

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ *

Эрлих А.

(США)

Наше исследование советских споров об индустриализации показало, что к концу этой крупной дискуссии позиции двух основных групп участников были гораздо ближе друг к другу, чем в начале: Н. И. Бухарин и его последователи явно согласились с неизбежностью отсутствия непрерывного экономического роста, в то время как Е. А. Преображенский все более откровенно признавал рискованность такой политики. В этой ситуации не было неестественным ожидать осуществления попыток выработать какую-либо среднюю линию.

Фактическое развитие событий не пошло по этому пути. Резолюция об экономической политике, принятая XV съездом ВКП(б), действительно могла интерпретироваться как шаг в сторону синтеза прежних концепций «правых» и «левых». Однако это изменение имело своим результатом не сближение большинства и оппозиции, а подавление ее силой. Все лидеры левой оппозиции, в том числе Л. Д. Троцкий и Е. А. Преображенский, были исключены из партии. Но этот захватывающий поворот событий стал выглядеть незначительным по сравнению с тем, что произошло позже. Меньше чем через два года «синтез» был «выброшен за борт» и новая политическая линия, которая за этим последовала, содержала крайности, которых не могли и вообразить себе наиболее ярые «сверхиндустриализаторы» из рядов подавленной левой оппозиции. В первом пятилетнем плане в качестве цели было выдвинуто такое увеличение выпуска продукции и капитальных вложений, которое дало бы возможность повысить основной капитал экономики за пять лет вдвое — подобного темпа роста не знала история. И хотя в соответствии со сформулированными целями этот рост должен был сопровождаться резко выраженным увеличением среднедушевого потребления, в процессе фактической реализации плана первая его часть без колебаний выполнялась за счет второй. Каковы же были причины столь странных зигзагов политики? Каковы были мотивы того, что советское руководство стало осуществлять ту политику, по поводу опасности которой, по-видимому, все были едины?

* *
*

Один из возможных способов получения ответа на этот вопрос заключается в том, чтобы довести до логического завершения аргументы, выдвинутые Е. А. Преображенским. По сути они заключались в следующем: в конце 20-х годов советская экономика стояла перед выбором между стагнацией на существовавшем непримлемо низком уровне (если не в еще ухудшившемся состоянии) и очень быстрым ростом; полностью значение этого выбора типа «либо-либо» не осознавалось до тех пор, пока политика, основанная на более оптимистичных ожиданиях, не была опровергнута фактами. Однако такая гипотеза, несмотря на некоторую prima facie достоверность, не вытекает из нашего анализа. Действительно, мы обнаружили некоторые факторы, которые могли привести к резкому прерыванию процесса роста: большой дефицит оборудования для замены, явления неэффективности и избыточности, высокий показатель «капитал/выпуск», в результате чего размер капитальных вложений дол-

* Глава из книги А. Эрлиха «Советские дискуссии об индустриализации», готовящейся к изданию в Политиздате (об этой книге и ее авторе см. заметку А. Бельх в вып. 5 нашего журнала за 1990 г.).

жен был быть кратным величине обеспечиваемого ими выпуска. Напомним, что действие всех этих факторов можно было ослабить. В некоторых случаях замену оборудования, хотя и необходимую, можно было отложить либо в связи с тем, что вклад, создаваемый этим оборудованием, был менее значительным, либо благодаря большей продолжительности срока его службы и более широким возможностям продления этого срока с помощью относительно незначительных дополнительных издержек. В определенных областях расширить производство можно было без применения большого количества неделимого оборудования, и в некоторых из них увеличение выпуска могло быть получено за счет внешней торговли, в результате которой такое оборудование поступило бы из-за рубежа. Это уменьшило бы необходимость «наступления широким фронтом» и позволило в определенной степени обойтись без создания новых капитальных фондов, нужных для производства этой продукции. В том случае, когда неделимость была характерна для больших партий оборудования, облегчить нагрузку на экономику можно было путем очередной работы с ними.

Несомненно, что в рассматриваемой ситуации даже при полном использовании всех этих возможностей дальнейший рост выпуска продукции превысил бы потенциал существовавших мощностей и, следовательно, потребовал бы резкого увеличения капитальных вложений — то, с чем до 1927 г. все были согласны. Но был бы слишком поспешным вывод о том, что для страны со значительным ядром современной промышленности и осуществленными вложениями во вне рыночную сферу единственный способ избежать «опускающейся спирали» в развитии и обеспечить непрерывный рост — удвоить за пять лет имевшийся основной капитал. Сторонники быстрой индустриализации, конечно, были правы, что воздерживались от столь экстравагантных утверждений. Но если это и так, то для них, как и для их коллег по дискуссии, было еще более фантастичным впасть в другую крайность и серьезно отнестись к идее, что мощности отраслей по производству средств производства, находящиеся в распоряжении советских плановиков, и «умелость» советских строителей позволила бы не только удвоить за пятилетку основной капитал промышленности, но и, кроме того, увеличить за тот же период выпуск предметов потребления на 70%. Все, что они говорили о положении в советской экономике и о механизме действия марксистской модели расширенного воспроизводства, находилось в вопиющем противоречии с этим центральным положением первого пятилетнего плана*.

Согласно другому, более распространенному объяснению этого явления, существовала необходимость усиления военного потенциала страны, что обуславливалось ухудшением международного положения. Как

* Удивительно, что профессор М. Добб, который выступил в печати почти двадцать лет спустя, по-видимому, воспринимал задания первого пятилетнего плана вполне серьезно. Еще более удивительно, что в то же самое время он пытался, хотя и очень осторожно, использовать аргумент «неделимости», для того чтобы продемонстрировать серьезность тех решений, которые должны были принять советские плановики (см. [1, с. 4—5, 235—237]). Это действительно выглядит так, как будто ему хотелось одновременно, с одной стороны, «съесть кекс и сохранить его», а с другой, уберечь драматический выбор «либо-либо». Введение в рассмотрение сельского перенаселения [1, с. 23—24] не улучшает аргументации, даже если безоговорочно принять предположение о том, что общее производство продуктов питания не будет сокращаться в результате миграции населения в города. С учетом высокого темпа роста, предусмотренного в первом пятилетнем плане, и высокой капиталоемкости тех отраслей промышленности, которые при осуществлении программы капитального строительства считались приоритетными, массовое перемещение избыточного сельского населения в города могло помочь выполнению плановых заданий лишь в том случае, если бы оно сопровождалось резким увеличением поставок промышленного оборудования для новой рабочей силы. Это потребовало бы, в свою очередь, быстрого переключения промышленности, производящей средства производства, на выпуск такого оборудования в ущерб оборудованию для производства предметов потребления, и(или) быстрого расширения объема импорта иностранного оборудования, которое могло быть получено (с учетом того, что внешние займы практически отсутствовали) только в результате соответствующего явно выраженного роста экспорта сырья. В обоих случаях неизбежным было снижение внутреннего потребления. Между прочим, относительно экспорта профессор М. Добб этот факт явно признает.

уже неоднократно отмечалось, обеспечение готовности к войне с самого начала дискуссии играло в ней важную роль, причем все без исключения ее участники в большей или меньшей степени принимали это во внимание. Однако обычная формулировка этих аргументов вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Трудно поверить, что разрыв британским правительством консерваторов дипломатических отношений с СССР, убийство в Варшаве террористом-эмигрантом советского посла, или то, что Чан Кайши порвал союзнические отношения с коммунистами, какими бы тревожными эти события ни были, могли быть интерпретированы как прелюдия к вооруженной интервенции. Более того, если воспринимать неоднократно высказывания Сталина о резко возросшей опасности войны буквально, то принятая в первом пятилетнем плане политика выглядит как самоубийство, на которое подтолкнул страх смерти. Если бы Советский Союз подвергся нападению в любое время в период с 1929 по 1932 г., он столкнулся бы со всеми трудностями, связанными с быстрым ростом при практически полном отсутствии его преимуществ. Создание крупной промышленности, производящей вооружение, было все еще далеко впереди, а между тем страна находилась в самом глубоком, со времен гражданской войны, социальном и экономическом кризисе. Даже если люди, ответственные за принятие решений, не осознавали в полной мере, какой кризис вызовет их политика, они должны были понимать, что степень риска была велика. Более ранние заявления Сталина об опасностях, связанных с разрывом с крестьянством, не оставляют сомнений на этот счет. На самом деле, с точки зрения готовности к войне, все неоспоримые выгоды, которые принесла «генеральная линия», вытекали из того факта, что реальной опасности войны не существовало вплоть до прихода Гитлера к власти в 1933 г., а нападение произошло еще восемь лет спустя.

Но не является ли, тем не менее, проводившаяся политика единственной правильной, по крайней мере с ретроспективной точки зрения? Было бы слишком поспешным предположить, что с 1928 по 1941 г. при меньших, но все же значительных темпах роста, не удалось бы достигнуть существенного увеличения советского военного потенциала. С позиции выпуска вооружений разница между двумя вариантами развития, несомненно, была бы значительной*. Но более высокая общая эффективность экономической системы и более тесное социальное единство на протяжении времени могли бы компенсировать это различие, особенно в том случае, если бы страна не лишилась своих лучших военачальников. Кроме того, вполне возможно размышлять о ходе развития событий, если бы мощная компартия Германии получила бы разрешение в определяющие годы с 1930 по 1933 г. проводить политику Народного фронта, которая стала несколько лет спустя предметом дискуссий в Коминтерне, вместо того, чтобы направлять свои основные атаки против рушащейся Веймарской республики. Конечно, любая политическая альтернатива содержит

* Можно добавить, что это различие было куда больше, чем следовало из простого сравнения общего национального дохода, создаваемого при этих двух вариантах. Экономика с меньшим темпом роста при прочих равных условиях имела бы не только меньший объем национального дохода, но и меньшую долю этого дохода, идущую на капитальные вложения. Более того, доля общего объема инвестиций, направленная на расширение основных мощностей, здесь была бы ниже, чем при альтернативном варианте. В результате попытка иметь такую же долю национального дохода, использованную на производство вооружений, потребовала бы от экономики с меньшим темпом роста пропорционально большего сокращения прироста основных мощностей, а возможно и фактического их снижения. Если целью всей операции является достижение одним скачком пика производства вооружений, или если предполагается, что война продлится недолго, то это не так плохо. Необходимость во всех этих мерах может исчезнуть до того, как сокращение основных промышленных мощностей начнет негативно влиять на выпуск вооружений. Но если оценка максимального производства вооружений настолько велика, что этого можно достигнуть лишь постепенно, или если ожидается, что война продлится долго, то нужна политика, которая позволила бы с самого начала выпускать достаточно много вооружений, и в то же время значительно увеличивать основные мощности, создавать постепенно военный потенциал, превышающий пугающе большие потребности замены, а также обеспечивать определенный уровень гражданских потребностей, без чего вся экономика начала бы распадаться.

элемент риска, но различными были бы степень риска, его временные рамки, и, последним по порядку, но не по значимости, отличался бы сам тип риска. Некоторые из рискованных ситуаций возможно нельзя было бы предвидеть в 1928 г., но какие-то, несомненно, можно было предусмотреть. Почему же советское правительство избрало один, а не другой вид рискованной политики? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо от общих рассуждений о прерывном характере роста или о тенденциях в международной политике в конце 20-х годов перейти на более «земную» точку зрения. Мы имеем в виду события, которые происходили в советской экономике в период времени между XV съездом ВКП(б) и началом первого пятилетнего плана.

* *
*

В начале 1928 г. большое количество левых «сверхиндустриализаторов» двинулись в отдаленные места ссылки. Но в то же самое время стали сбываться их пугающие пророчества. К январю количество зерна, собранное государственными заготовительными организациями, было примерно на одну треть ниже уровня прошлого года. В ходе последующих месяцев этот уровень возрос, но лишь для того, чтобы весной вновь снизиться; методы репрессий и насильственных конфискаций, которые во многом обеспечили этот временный подъем, вновь возбудили чувства горечи и сопротивления, которые были приглушены в течение семи лет нэпа. Товарный голод 1925 г. повторился в гораздо большем масштабе, и уже не было никаких сомнений по поводу его значения; при попытках заставить советского крестьянина отдавать больше в обмен на меньшее он был готов и имел возможность уйти с рынка.

Реакция ведущих представителей двух основных группировок на новое развитие событий соответствовала их подходам, выработанным в предыдущий период. В распространенном тайно документе Е. А. Преображенский расценил кризис хлебозаготовок как разительное подтверждение его анализа и решающее доказательство того, что официальная политика провалилась. Однако, хотя он одобрял жесткие меры против того, что он называл наступлением кулака, он совершенно явно подчеркивал, что если бедные крестьяне увеличат выпуск продукции за счет кулака, этот прирост пойдет в основном на их потребление, и лишь в незначительной степени увеличит товарность сельского хозяйства. В результате вновь потребуются чрезвычайные меры, а это «заставит хозяйственно заскучать крепкого середняка и может вызвать еще более опасный недосев со стороны этого слоя... Хлеб этих слоев (т. е. бедняков и середняков — А. Э.) можно брать только экономическими средствами, только товарообменом, добываясь экономическими путями также и уменьшения потребления сельскохозяйственных продуктов в деревне за счет увеличения спроса на продукты потребления индустриального производства. А это требует определенного темпа возрастания всего промышленного производства» [2, с. 2]. (В связи с этим он, между прочим, надеялся, что американские капиталисты с большей готовностью предоставят Советскому Союзу долгосрочные кредиты, чем их более слабые и менее самоуверенные европейские собратья.) Как и следовало ожидать, Н. И. Бухарин и А. И. Рыков серьезно возражали против политики репрессий и насильственного изъятия зерна (год спустя они будут говорить о «военно-феодалной эксплуатации крестьянства»). Они с удвоенной энергией подчеркивали важность денежных стимулов для увеличения крестьянами выпуска продукции и накопления, равно как и необходимость больших капитальных вложений в сельское хозяйство. Некоторые из их ярких высказываний были сделаны в эти тревожные месяцы. В рамках такого общего подхода, они, по-видимому, были за временные меры: увеличение цен на зерно или, если это окажется неэффективным, за импорт зерна, предпочтительнее на кредитной основе, но если потребуется, и за счет использования части ограниченных валютных ресурсов, предназначав-

шихся на покупку средств производства*. Они очевидно предполагали, что увеличение доверия крестьянства приведет тем временем к росту выпуска продукции, за которым последовало бы менее чем пропорциональное увеличение крестьянского спроса, и что недавние капитальные вложения в промышленность, равно как и шаги к дальнейшему улучшению использования имевшихся мощностей, начали бы скоро приносить плоды.

Именно при таком стечении обстоятельств Сталин разошелся со своими союзниками и «украл походную музыку» у своих оппонентов слева. Он не оспаривал поставленный другими диагноз ситуации. Действительно, наряду с громовыми проклятиями в адрес «саботажа» кулаков он признал, что дефицит промышленных товаров на крестьянском рынке, осложненный ростом доходов крестьян, вызванным хорошим урожаем, затронул не только кулаков, но и основную массу крестьянства, вынудив их всех на ответный шаг — сокращение поставок [3, т. 11, с. 14]. (Он мог бы также добавить, что политика стабильных заготовительных цен на зерно при растущем спросе на него не рождала у крестьян большого желания поставлять его на рынок.) Он был прав как никогда, подчеркивая связь между товарным голодом и изменениями в политике капитальных вложений**, и вплоть до 1929 г. продолжал настаивать на том, что возможности роста эффективности мелкого крестьянского хозяйства были далеко не исчерпаны [3, т. 11, с. 92]. Содержательная же его критика предлагавшейся Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым экономической политики не шла дальше упоминания некоторых очевидных связанных с ней трудностей. Авторы этих предложений были бы последними, кто стал отрицать их существование — Сталин подчеркивал, что увеличение цен на зерно могло иметь негативное влияние на уровень реальной заработной платы и что импорт продовольствия мог бы осуществляться за счет ввоза из-за рубежа промышленного оборудования [3, т. 12, с. 45—47, 92—95]. Он ослабил последний довод, сказав, что советское правительство по различным каналам получало предложения об иностранных кредитах для покупки зерна, но защищал принятое решение об отказе от этих предложений, утверждая, что их целью была проверка прочности положения советского строя. Н. И. Бухарин и А. И. Рыков высказывались за принятие этих предложений.

Но Сталин очень четко обнаружил и более глубокие мотивы, лежавшие в основе изменения его подхода, когда спросил в характерном для него стиле: «Что значит не мешать кулацкому хозяйству? Это значит дать кулаку волю. А что означает дать кулаку волю? Это означает дать ему власть» [3, т. 11, с. 275]. При поверхностном рассмотрении это выглядело как чрезвычайно слабый силлогизм, даже по обычным меркам его автора. Ни в логике событий, ни в догматах принятой доктрины не было ничего, подтверждавшего вывод о том, что политика, защищаемая Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым, неизбежно привела бы к «передаче власти кулаку» и к реставрации капитализма. На самом деле, два года назад Сталин, по-видимому, не верил в это и заявил, приведя длинную подтверждающую цитату из Ленина, что только капитулянты могут видеть опасность в росте «частного мелкого капитала» в деревне, поскольку

* Мы говорим «по-видимому», поскольку указанные выше рекомендации приводятся не из высказываний этих двух деятелей, а из назойливых сталинских наскоков на них в апреле 1929 г. [3, т. 12, с. 63]. Точно так же здесь цитируется и фраза о «военно-феодальной эксплуатации». Несмотря на то что источник информации далеко не безупречен, вполне вероятно, что Н. И. Бухарин и А. И. Рыков действительно защищали подобные взгляды. Это особенно подтверждается тем, что такие меры экономической политики действительно использовались, хотя и в умеренных масштабах, на протяжении 1928 г.

** «Реконструкция промышленности означает передвижку средств из области производства средств потребления в область производства средств производства... Но что это означает? Это значит, что вкладываются деньги в строительство новых предприятий, растет количество городов и новых потребителей, тогда как новые предприятия могут дать новую массу товаров лишь через 3—4 года. Легко понять, что это обстоятельство не может благоприятствовать делу ликвидации товарного голода» [3, т. 11, с. 267].

ку этот рост «покрывается и перекрывается такими решающими факторами, как развитие нашей индустрии, укрепляющей позиции пролетариата и социалистических форм хозяйства» [3, т. 8, с. 291—292]. Тем не менее, он, очевидно, говорил абсолютно серьезно, и, что было неизмеримо важнее, последовательное использование рецептов Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова несомненно было сопряжено с огромными политическими опасностями. С теоретической точки зрения существовала возможность быстрым темпом проводить индустриализацию, основывающуюся в большой степени (хотя и не исключительно) на готовности крестьян увеличивать объемы их продаж быстрее, чем покупок, особенно при политике жесткого отбора при распределении ограниченных ресурсов и правильного использования обширных резервов рабочей силы. Однако достигаемое таким образом равновесие было бы исключительно неустойчивым и подверженным резким потрясениям — кризис хлебозаготовок не оставил никаких сомнений в этом. Для того чтобы поддерживать этот неустойчивый баланс на крутых поворотах в процессе развития экономики, правительству было необходимо комбинировать меры прямого контроля и дополнительного стимулирования. Но можно было не сомневаться, что зажиточные крестьяне, у которых в памяти еще остались свежие воспоминания о военном коммунизме, будут противиться вторым мерам и резко отвергнуть первые. Вероятно, в такой ситуации нельзя было избежать использования новых подходов и попыток завоевать расположение верхних слоев крестьянства путем предоставления ему возможности оказывать политическое влияние, пусть и ограниченное, на первых порах, уровнем местных органов власти. Фактически, как хмуро признал Сталин, такого рода требования хотя и робко, но уже выдвигались в местных партийных организациях [3, т. 11, с. 168]. Эти попытки неизбежно вызвали бы сильное сопротивление со стороны радикально настроенной части рабочего класса и молодой интеллигенции, разочарованной отталкивавшей их «нормальностью» нэпа. В результате этого система авторитарной диктатуры все больше размывалась бы элементами политического плюрализма и давлением квазидемократической политики. Формально монолитная правящая партия постепенно могла бы стать ареной столкновений организованных фракций, которые в большей или меньшей степени отражали бы давление наиболее активных общественных групп. Если учесть острые столкновения, происходившие в 20-е годы, такое положение отнюдь не выглядело отдаленной перспективой, и то колебание, которое, по свидетельству Сталина [3, т. 11, с. 3—4, 235], проявили в критические месяцы 1928 г. нижние эшелоны партийной иерархии и государственного аппарата, усугубляло серьезность ситуации.

Выводы были очевидными. Политика умеренных темпов роста, которая усилила бы позиции зажиточных слоев деревни и сделала неизбежным ловкое балансирование между этими слоями и непослушными радикалами в городах, могла быть принята лишь как временная вынужденная мера. Если бы этот курс продолжался длительное время, режим оказался бы в проигрыше в результате не только возможных провалов, но и успехов. Альтернативой такому отступлению и маневрированию, ведущих к постепенной эрозии системы диктатуры, было, очевидно, массированное контрнаступление, которое раз и навсегда уничтожило бы условия, когда крестьяне накладывали вето на важнейшие решения экономической политики. Высокий темп индустриализации с упором на развитие производства средств производства, за который теперь выступал Сталин, логично являлся основой для такой контратаки; в данном случае риск заключался совсем в другом. Успех этой альтернативы был бы безоговорочным триумфом. Экономический потенциал страны возрос бы до такого уровня, когда дальнейшее мощное увеличение производственных мощностей не было бы несовместимым с ростом уровня потребления, достаточно существенным, чтобы сдерживать давление инфляции. Контролируемый государством сектор сильно раздвинул бы свои границы и продолжал бы расширяться вслед за мощным накоплением капиталов, в то время как постоянно растущий выпуск промышленной продукции подре-

зал бы корни крестьянского сопротивления и сделал сельское хозяйство более зависимым от поставок городских товаров. Однако с учетом всего вышесказанного, не была ли такая перспектива совершенно фантастичной? Можно ли было надеяться на то, что в отсталой экономике эффект мультипликатора, вызванный быстро увеличивавшимся объемом капитальных вложений, «отключит скорость» системы и отсрочит политический взрыв до тех пор, пока эти капитальные вложения дадут эффект увеличения мощностей, который приведет к уменьшению волнения?

* *
*

Опыт выполнения первого пятилетнего плана дает ответ на поставленные вопросы. В нашу задачу не входит детальное описание того процесса проб и ошибок, с помощью которого этот вывод был получен. Те трудности, которых все участники дискуссии ожидали от гораздо менее резкого «переключения средств производства на производство средств производства», не заставили себя ждать и проявились в полной мере. Зияющий разрыв между целями в плане и нормальной мощностью существовавших заводов потребовал привлечения большого количества дополнительной рабочей силы и такого использования наличного оборудования, которое приводило к росту издержек. Таким образом, до неслыханных размеров увеличился разрыв между увеличением численности рабочей силы и ростом производства предметов потребления. Одновременно новые заводы, которые могли бы облегчить ситуацию, во многих решающих сферах строились медленно, или их мощность была ограничена тем, что в смежных отраслях, в которых силовые методы управления рабочей силой и оборудованием оказались еще менее пригодными, чем в других местах, возникали узкие места. Раздававшиеся на XV съезде ВКП(б) торжественные призывы к сокращению сроков строительства были теперь отменены. Последовавшее резкое сокращение уровня потребления населения вызвало сопротивление, достигшее своего пика в начале 30-х годов, когда оно вылилось в открытую экономическую войну крестьян против правительства и сохранилось в скрытой форме в виде стремления к снижению производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве. Наконец, в период быстрой индустриализации даже наиболее сильное правительство не могло себе позволить препятствовать номинальному росту заработной платы. Но мрачные пророчества не оправдались, поскольку в институциональной структуре общества произошли лавинообразные изменения, которые, как считали участники дискуссии об индустриализации, основывавшие на них свои теоретические конструкции, должны были растянуться на десятилетия. Подавление ограниченной независимости профсоюзов сделало невозможной организованную оппозицию катастрофическому падению реальной заработной платы. Важный «тормоз темпа социалистической индустриализации» был, тем самым, эффективно устранен. Наиболее существенным изменением оказалось, однако, то, что новое изобретение, о котором Сталин впервые объявил в конце 1927 г. и которое по мере углубления кризиса становилось для него все более важным, начало использоваться на полную мощность. Всеобщая коллективизация сельского хозяйства покончила с крестьянской «свободой в определении времени и условий распоряжения своими избытками». Теперь эти условия устанавливало государство и, таким образом, определяло норму накопления крестьян. Е. А. Преображенский несомненно был прав, когда, занимаясь самобичеванием в своей речи, произнесенной несколько лет позже, воскликнул: «Коллективизация — ведь в этом все дело! Был ли у меня прогноз коллективизации? Его не было» [4, с. 238]. Он был достаточно аккуратен, чтобы не сказать, что когда дискуссия об индустриализации была в полном разгаре, этого прогноза не было и у Сталина. И он был достаточно разумен для того, чтобы не сказать, что это решение о коллективизации

основывалось не на интеллектуальной проницательности, а на необычайно высокой решимости сокрушить оппонентов с полным пренебрежением к головокружительным человеческим жертвам, связанным с этой акцией.

Конечно, начальная цена за использование такого новомодного средства была пугающе высока. Нежелание крестьян принимать эти ухудшившиеся условия торговли драматично усугублялось их сопротивлением изменению статуса и выразилось, помимо всего прочего, в массовом забое скота. Для того чтобы справиться с падением тягловой силы и превратить вновь созданные коллективные хозяйства в работоспособные единицы, необходимо было ускорить широкомасштабную механизацию сельского хозяйства совместно с переоборудованием основной промышленности, вместо того, чтобы первое последовало за вторым. Огромное увеличение потребностей в капиталах, вытекавшее из этого решения, не могло не усилить общего напряжения и привело к еще более серьезному падению жизненного уровня. В то же самое время появились и мощные средства для борьбы с этими трудностями. Начав командовать всей экономикой и подкрепив эти средства применением в беспрецедентном масштабе прямого насилия и репрессий, система справилась с обеспечением даже в самый разгар кризиса коллективизации, минимальных поставок основных продуктов в города, достаточных для функционирования городской экономики, и смогла поддерживать объем внешней торговли на уровне, максимальном за весь период после 1917 г. На этой основе были изобретены дополнительные способы борьбы с инфляцией, цель которых — сокращение избыточного спроса или стимулирование выпуска, и которые в зависимости от обстоятельств различались по своему типу и по относительной значимости. Но более важен, чем все эти различия, тот фундаментальный факт, что всегда существовавший товарный голод теперь перестал быть источником опасности, которая могла привести к отказу крестьян от поставок и к политическим волнениям. Это стало ценной, которую с готовностью уплатили за возможность того, что капитальные вложения как по объему, так и по структуре далеко превзошли наиболее смелые мечты вчерашних «сверхиндустриализаторов». Потребность в существенном увеличении в течение нескольких лет производства предметов потребления, которая принимала угрожающие размеры в концепции Преображенского, теперь уже не казалась существенной — ни как важная цель развития, ни как лимитирующий фактор индустриализации. «Минимальные потребности» могли еще немного подождать.

Вполне логичным было то, что автор теории «первоначального социалистического накопления» имел двойственное отношение к новым реальностям. Действительно, история того, как Е. А. Преображенский пытался приспособиться к «генеральной линии», достаточно красноречиво свидетельствует и заслуживает краткого отступления. В 1929 г. он порвал с Л. Д. Троцким и, будучи искренно убежден, что первый пятилетний план означал победу его идей, отказался от оппозиционной деятельности и признал официальную линию. Тем не менее, сообщалось, что в 1930 г. он был ошеломлен тем, с какой безжалостностью осуществлялся экспорт зерна, несмотря на сопротивление крестьян, и предсказал, что это приведет к гражданской войне [5, с. 20]. На следующий год он подытожил свои взгляды в статье «О методологии составления генплана и второй пятилетки» и послал ее в ведущий экономический журнал «Проблемы экономики». Статья никогда не была опубликована, но о ее основных идеях можно узнать из уничтожающей критики, которая вскоре последовала [6, 7,], и которая, к счастью, содержала большие цитаты. Из этих отрывков можно понять, что Е. А. Преображенский начал с подчеркивания потребности в быстром росте в течение реконструктивного периода, что диктовалось необходимостью «ликвидировать классовые различия в обществе и технически перевооружить всю техническую рабочую силу на технологическом уровне примерно 1930—1931 гг. в течение следующих пяти — шести лет». В соответствии с его предположениями, это техническое перевооружение должны были пройти 54 млн. чел. работников из 60 млн. Причина заключалась в «увеличившейся опасности интервенции

и блокады». Это выглядело как огульное подтверждение современной официальной политики.

Продолжение, однако, имело другой характер. Он подготовил схему, которая должна была продемонстрировать, что при прочих равных условиях темп роста выпуска продукции был бы в несколько раз выше в случае наличия резервных неиспользуемых мощностей, чем тогда, когда сперва необходимо создать дополнительное оборудование. Е. А. Преображенский подчеркивал, что требуемое перевооружение было невозможно без интенсивного накопления за счет потребления, и отметил, что именно это в действительности и происходило на протяжении первых трех лет пятилетнего плана. Он завершил свой анализ, вызвавший громкие крики возмущения, тем, что применил в обратном порядке свою концепцию, близкую к концепции акселератора, и предсказал, что большая часть мощностей в создающей товары для осуществления капитальных вложений промышленности, которая была с огромным темпом роста запущена для переоборудования всей экономики, стала бы избыточной по мере завершения перевооружения. Тогда для того, чтобы избежать «кризиса перенакопления», необходимо будет резко увеличить долю потребления в национальном доходе и, возможно, сопроводить это организацией общественных работ.

Последняя часть его аргументации, хотя и логически согласованная, была нереалистичной: к концу первого пятилетнего плана в отраслях советской промышленности, обслуживающих капитальные вложения, не было «избыточного строительства», и не в последней мере в связи с тем, что практически невозможно за пять — шесть лет перевооружить по последнему слову техники 54 из 60 млн. работников. Но оппоненты Е. А. Преображенского не имели возражений против данного пункта. Их беспокойство было вызвано той идеей, что астрономический темп роста, подразумевавшийся при таком «перевооружении», не мог бы продолжаться вечно.

* * *

Основные «автономные» стимулы к инвестированию могли теперь проявляться свободно. Они отражали две основные характеристики людей «сталинской эпохи» — чувство неустрашимой разделенности мира на две части, а также полную готовность искоренить все, что нельзя было эффективно контролировать. Степень военной готовности должна была стать достаточной не только для того, чтобы отразить атаку или сделать советское государство столь сильным, чтобы (как сформулировал Сталин уже в 1925 г.) «выступить последними» в случае войны между капиталистами и «бросить решающую гирию на чашу весов, гирию, которая могла бы перевесить» [3, т. 7, с. 14]. Она должна была обеспечить уничтожение врага, превосходство над временными союзниками и доминирующее положение среди последователей во всем мире. То, что эти же принципы тотальной войны полностью применялись во внутренних делах, ясно следует из всего вышесказанного. Фактически, именно здесь, на гораздо более ранней стадии игры должна была состояться решающая демонстрация сил. Проводимые с пожарной скоростью индустриализация и сметающая все коллективизация были не только средствами экономической политики, но и способами распространения прямого контроля тоталитарного государства на наибольшее число людей за кратчайший срок. Однако тот способ, которым это проводилось в жизнь, имел, с точки зрения «контролеров», и большую самостоятельную ценность. Молниеносность, с которой производились эти действия, сокрушила волю к сопротивлению. Она подстегнула энтузиазм миллионов молодых людей, стремящихся к героическим приключениям. Последним по порядку, но не по значению является то, что она смогла пробудить во многих бывших лидерах различных внутрипартийных оппозиционных групп ощущение того, что происходившие события уже зашли слишком далеко, чтобы повернуть вспять без разрушения всей социальной структуры, рожденной

революцией, и что в сложившихся обстоятельствах нужно было не «раскачивать лодку», а сомкнуть ряды для уменьшения связанного с этой политикой риска.

Именно этот уникальный сплав ползучего страха, восторга битвы и психоза *la patrie — en — danger*, создал интеллектуальный климат сталинской «революции сверху». В такой обстановке идеям и концепциям, которые здесь рассматривались, уже не находилось места. Мы видели, что исследователи, защищавшие эти идеи, стояли на очень разных исходных позициях, и, даже более того, сами позиции основывались на разных политических предпосылках. Но все они — правые, левые, центристы — исходили из предположения о том, что в сфере экономической политики существует сопротивление материала, для преодоления которого необходим не сокрушающий удар, а определенное сосуществование в течение длительного времени неоднородных социально-экономических структур, в результате чего достигаются непростые компромиссные изменения, лишь постепенно ведущие к желательному направлению. В своих рассуждениях они часто руководствовались эмоциями политической борьбы, в которой никто не просил и не давал пощады. Тем не менее, их основные идеи, в отличие от периодических отклонений при аргументации, отражали не «идеологические» подтасовки фактов и теоретических концепций, а подлинные усилия при попытках войти в противоборство со сложными и с трудом поддающимися воздействию реальными процессами и получить конечные решения, способные выдержать критику. Конечно, большинство участников этой крупной дискуссии интеллектуально сформировались в рядах старой большевистской гвардии, которая в дореволюционный период представляла собой авторитарное крыло русского марксизма. Но все они не больше чем сам Ленин преуспели в том, чтобы довести вплоть до сталинского совершенства основные подходы к человеку и обществу, внутренне присущие элитарной концепции — отказ терпеть существование таких сфер общественной жизни, которые не полностью манипулировались бы сверху, усматривание слабости, если не прямого предательства во всяком разнообразии мыслей и действий, и решимость использовать любые средства, чтобы его подавить. Несчастьем для Н. И. Бухарина, Е. А. Преображенского и других было то, что они дожили до этого тоталитарного кодекса поведения, который и определил их судьбы. Все они погибли в ходе репрессий 30-х годов.

* *
*

Если бы все, написанное выше, появилось в печати до марта 1953 г., этим можно было бы завершить работу. Но даже и в таком случае картина была бы неполной; с позиций сегодняшнего дня она выглядела бы односторонней и вводящей в заблуждение.

Читатель мог бы поверить, что трудности, с которыми боролись люди в 20-е годы, после лихорадочного напряжения начала 30-х годов исчезли. Однако этого не произошло, и хотя попытаться дать здесь исчерпывающий анализ всех тех диспропорций, которые осуществляемая под давлением индустриализация создала в структуре экономики, было бы самонадеянным, но краткое их рассмотрение может быть уместным. Отсутствующие «будущие кирпичи» Н. И. Бухарина ни в коей мере не являлись анахронизмом в условиях существования неопределенности по поводу количества и качества поставляемого сырья — ситуация, типичная там, где завышенные целевые установки приводят к критическому напряжению имеющихся мощностей и к ликвидации запасов промежуточных продуктов. Одновременно различные способы приспособиться к тем дефицитам, которые можно было предвидеть заранее, дают подходящий комментарий к высказываниям В. А. Базарова против «видимого индустриального роста». Ограниченность мощностей наряду с предписанием расширять их с наибольшей спешкой вела к пренебрежению к уходу и ремонту имевшегося оборудования, стимулировала производство и использование в массовых масштабах продуктов низкого качества и побуждала

плановиков осуществлять такие капиталоемкие виды социальных расходов, как жилищное строительство и транспорт на жестком инвестиционном «пайке». Подход, заключающийся в политике «двойной экономики», официально презрительно отвергнутый, «возвращался» через заднюю дверь, и утверждал себя в сосуществовании современных и отсталых технологий во взаимосвязанных отраслях или даже в различных частях одних и тех же производственных единиц. Но экономика, постоянно страдающая от дефицита, в каждый данный момент не только наряду с современным использует полностью старое и устаревшее оборудование, в ней часто не удается перейти к производству новой продукции, поскольку это потребовало бы дорогой и долговременной реконструкции завода, выпускающего оборудование. Последним по порядку, но никоим образом не по значимости, является то, что советское общество после четверти века беспрецедентного развития индустрии и городов, должно иметь меньшее среднестатистическое потребление продовольствия, чем в то время, когда оно в большой степени было страной нищих крестьян — факт, который по очевидным причинам внушал беспокойство, и не только с точки зрения благосостояния потребителей.

Вряд ли можно сомневаться в том, что увеличение общественной продуктивности в расчете на единицу (в ценностном выражении) вновь построенного завода в подобных условиях было бы меньше, чем в случае более медленного роста — и, можно добавить, гораздо меньше, чем это следовало бы из стандартного предположения об убывании предельной эффективности инвестиций с повышением их нормы. Действительно, не невероятным было бы то, что меньшие по объему, но более сбалансированные и более избирательно осуществляемые капитальные вложения могли бы дать больший эффект, чем сталинский метод. И это при условии, что доля национального дохода, направляемая на капитальные вложения, была бы все еще по стандартным меркам большой, и был бы получен значительный эффект от укрупнения производства. Предупреждение Н. И. Бухарина о том, что «перенапряжение капитальных затрат... в конечном счете приведет к замедлению темпа развития» в этом случае проявилось бы на протяжении длительного периода развития*. Тем не менее, плановики сталинской эры игнорировали эти возможности не

* Приведем только два примера: вполне возможно, что по сравнению с «развитой экономикой бухаринского типа» сталинская экономика после первоначального периода скоропалительного роста замедлила бы свое развитие, поскольку: 1) недостаточный уход за оборудованием менее совершенного вида привел бы к более скорому проявлению эффекта «эха замены»; и 2) пренебрежение транспортом, которое было источником постоянного напряжения и давало ошибочное направление всей локальной политике, в результате могло бы быть ценной крупной перераспределенной объемов капитальных вложений от «быстрых» вариантов ликвидировано. (Но можно представить себе ситуацию, когда экономика, развиваемая по сталинскому образцу, подвергается влиянию важных изобретений, которые требуют для своего широкого применения определенного минимума мощностей сталелитейной промышленности. Можно доказывать в данном случае тот факт, что рассматриваемая экономика благодаря тому, что в прежний период осуществлялась политика максимизации роста, имеет в своем распоряжении этот необходимый минимум, позволяет сделать большой рывок вперед; а это могло бы перевесить чашу не в пользу умеренного варианта. Решающим является то, будут ли различия в объемах капитальных вложений, точнее, в развитии мощностей сталелитейной промышленности достаточно большими, чтобы экономика бухаринского типа не могла извлечь пользу из больших возможностей — вопрос, на который нельзя дать априорного ответа.) Несомненно, что вся аргументация страдает существенной неполнотой по крайней мере в двух отношениях: 1) она исходит из того, что добровольные временные предпочтения населения могут не только преодолеваются, но и полностью игнорироваться — предположка, с которой довольно трудно работать даже плановикам тоталитарного государства; и 2) она не учитывает неэффективности в распределении ресурсов, присущих высокоцентрализованной системе планирования, которая, очевидно, связана с крайностями принятой политики роста, хотя связана не только с ними. Наконец, должно быть точно так же очевидно, что стандартная марксистская модель, даже в более развитой форме, приданной ей Г. А. Фельдманом, была бы малоприменимой для разрешения имевшихся вопросов: ее жесткое предположение о фиксированных технологических коэффициентах плохо пригодно для решения проблем экономики, которую заставляли расти темпом, далеко превосходящим ее возможности, а точнее, сильно перенапрягавшим мощности сектора, выпускавшего средства производства.

только потому, что их стратегия требовала достигнуть как можно раньше максимального экономического потенциала (парадоксально, что это более четко, чем другие, предвидел сверхумеренный Л. Шанин), но и потому, что «завалы», рассмотренные нами выше, выступали бы как эффективные амортизаторы. Избыток сельскохозяйственного населения давал возможность применять оборудование с помощью «избыточных» вчерашних крестьян, которых можно было переместить из сельской местности без явного ущерба для продуктивности сельского хозяйства и которым можно было платить реальную заработную плату, едва превышающую их чрезвычайно низкий уровень потребления при прежнем положении. Зияющий разрыв в эффективности между массой изношенных и устаревших российских машин и современными западными моделями позволял достигнуть значительного роста производительности несмотря на большую поспешность, с которой принимались и осуществлялись решения о капитальных вложениях, особенно в тех случаях, когда новая технология могла использоваться для разработки вновь открытых природных ресурсов или вместе с рабочей силой, возможные издержки которой были бы чрезвычайно низки. Наконец, мощное расширение сети железных дорог при царском режиме облегчило их последователям осуществление, с самого начала индустриализации, крупномасштабных капитальных вложений в наиболее крупные нерыночные сферы экономики.

Но ситуация 20-х годов была повторена «на более высоком уровне», если применить излюбленное советское выражение; индустриализация, большая часть блистательных успехов которой была обязана существованию «завалов», встретила с трудностями после того, как пустующие емкости были заполнены. Рабочая сила уже не была доступна предприятиям *ad lib.* Спрос на продовольствие со стороны растущих городов больше не мог быть удовлетворен без существенных вложений в сельское хозяйство. Транспорт стал наиболее узким местом, вносящим напряжение в экономику и угрожающим исказить всю картину размещения производства. Несомненно, что мощности советской промышленности, выпускающей средства производства, за это время неизмеримо выросли. Но и спрос на ее продукцию увеличился. Механизированное сельское хозяйство требует гораздо больших затрат, чем в ходе первого пятилетнего плана (не говоря уже о положении до 1928 г.); быстро растет значение производства вооружений; и более чем рискованно было бы повторить опыт первых лет, когда импорт зарубежного оборудования, составлявший в некоторых решающих отраслях больше половины используемого объема, обеспечивался рекордным экспортом зерна, в то время как страна голодала. Более того, зарубежные события гораздо менее благоприятны. Запад демонстрирует куда большие экономическую стабильность и международное согласие, чем в период между двумя войнами. Наступление ядерного века усилило давление на капитальные ресурсы и сделало значительно более рискованным «бросание решающей гири на чашу весов». На серьезные требования коммунистического Китая очень опасно не обращать внимания. Появилась необходимость изменить тактику в противостоянии «кто кого» и перейти от попыток драматического прорыва к длительному соперничеству, требующему рационального использования имеющихся средств. И как раз тогда, когда грузовики стали привозить воробьев для того, чтобы их жарить, «главный архитектор системы» покинул сцену, оставив после себя документ, в котором признание «экономических законов» на словах вновь сочеталось с упором на приоритет тяжелой промышленности и подчеркивалось, что капитализм загнивал больше, чем когда бы то ни было [8].

По-видимому, Сталин до конца был уверен, что сможет справиться с растущими трудностями. Его последователи уже не разделяли этого оптимизма. Они, как недавно сформулировал ведущий западный аналитик советского строя, «сталкиваются с бухаринской проблемой в новом облачении» [9, с. 218], и они понимают это. На протяжении прошедших после марта 1953 г. лет постоянно предпринимались попытки справиться с жесткими реальностями путем уменьшения очевидных диспропорций и

ослабления институциональных ограничений с целью внести в систему больше сбалансированности и гибкости. Но не только великие проблемы 20-х годов вновь выступили на первый план; память о тех людях, которые поднимали их, возрождается из забвения сторонниками новой ереси, которые хотят не реформ, а реформации. Вольфганг Хариш, бунтарь-теоретик коммунизма Восточной Германии, называет источниками своего вдохновения «мысли Троцкого и еще больше — Бухарина». Писатели группы *Porrostu*, распространявшие издание «Польский октябрь», с энтузиазмом превозносят Бухарина, а ведущий сельскохозяйственный эксперт партии высказывает согласие с этим, хотя и с замечаниями. Жертва коммунистического «ревизионизма» Имре Надь за несколько месяцев до Венгерской революции в поддержку своих взглядов торжественно цитировал И. В. Сталина, но Сталина 1926 и 1927 гг., когда будущий патрон первого пятилетнего плана все еще полностью был «за Бухарина». И если от колеблющейся периферии мы двинемся к крепкому центру, то Н. С. Хрущев, конечно, не извращал истину, когда в гнезде использовал ярлык «бухаринизма» по отношению к тем экономистам, которые в период расцвета эры Г. М. Маленкова осмелились оспорить догму преимущественного темпа роста тяжелой индустрии как *conditio sine qua* поп экономического прогресса. Конечно, нет возврата к 20-м годам. Но точно так же неоспоримо то, что идеи, которые воздействовали на весь Советский Союз тридцать лет назад, а с тех пор были ошельмованы, очернены и вновь и вновь объявлены мертвыми, сейчас играют свою роль в наиболее значительных событиях нашего времени.

Пер. с англ. Белых А. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dobb M.* Soviet Economic Development since 1917. N. Y. 1948.
2. *Преображенский Е. А.* Левый курс в деревне и перспективы. Мimeo. 1928. (Архив Л. Д. Троцкого, Хогтонская библиотека Гарвардского ун-та).
3. *Сталин И. В.* Сочинения. М.: Госполитиздат, 1948—1955.
4. Семнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934.
5. Из письма ссыльного оппозиционера//Бюлл. оппозиции. 1931. Март.
6. *Бутаев К. К.* вопросу о материальной базе социализма//Проблемы экономики. 1932. № 1.
7. *Меклер М.* Общий кризис капитализма и борьба двух систем в свете теории Преображенского/Закат капитализма в троцкистском зеркале. М.: Партиздат, 1932.
8. *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат. 1952.
9. *Bergson A.* The Russian Economy since Stalin//Foreign Affairs. 1956. V. 34. № 1.